

Дэвиду.

Все первое всегда будет для тебя

СЕКРЕТЫ ВЫЖИВАНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Кровь

Я не помню никаких особенных подробностей, но мне постоянно снится один сон. Очень холодно, ветки скребут по оконному стеклу. Огромные деревья, шелестящая, гремящая листва. Белый водосточный желоб, вздувающаяся от ветра занавеска. Анютины глазки, фиалки, подсолнухи. Этот узор я помню наизусть. Он отпечатался в моей памяти как стихотворение.

Мне снятся поля, темные туннели, но все очень смутно. Мне снится, как темная фигура кладет меня в колыбель, закрывает рот рукой и шепчет мне на ухо: «Ш-шшш». И еще: «Жди».

Никого нет, никто меня больше не трогает, а когда ветер задувает в оконные щели, мне становится холодно. Я просыпаюсь от чувства одиночества, мир кажется мне огромным, холодным и страшным. Как будто больше никто никогда до меня не дотронется.

В кафетерии, прямо за стендами со спортивными кубками, обосновались студенты-кровососы.

Стараясь скрыть станцию забора крови, они отгородили угол занавеской, доходящей почти до пола, но все всё равно знали, что там, за ней. Иглы входят, трубки выходят. Над западным входом в школу повесили объявление — на толстой упаковочной бумаге гигантскими буквами и цветными фломастерами возвещалось о Дне донора.

А мы как раз зашли пообедать. Я, близнецы Корбетт и Росуэлл Рид.

Дрю Корбетт рылся в карманах в поисках четвертака, собираясь продемонстрировать мне, как можно выкинуть монетку нужной стороной. Объяснения звучали ужасно сложно, а у Дрю был особый дар показывать трюки и фокусы так, что все выглядело легко и просто.

Он подбросил четвертак орлом вверх, на какую-то долю секунды монетка зависла в воздухе, и я готов был поклясться, что увидел, как она перевернулась, но, когда Дрю предъявил мне тыльную сторону ладони, четвертак все-таки лежал орлом вверх.

Дрю улыбнулся неторопливой широченной улыбкой, словно мы с ним только что обменялись отменной шуткой, не обменявшись при этом ни словом. За нашими спинами брат Дрю, Дэни-бой, вел бесконечный спор с Росуэллом о том, есть ли у единственной сносной местной рок-группы шанс когда-либо прозвучать в радиопостановке или хотя бы музыкальным фоном в ток-шоу для полуночников.

Издалека никто не отличит наших близнецов друг от друга. Абсолютно одинаковые длинные смуглые руки, узкие глаза и темные волосы. И способности у них тоже одинаковые: к рисованию,

конструированию и починке разных агрегатов. Только Дрю чуть менее раскованный. Он внимательнее слушает и медленнее двигается. А говорит обычно Дэни.

— Ты лучше посмотри на рейтинг продаж, — заявил Росуэлл, ероша рукой волосы, отчего его косматые рыжие вихры встали дыбом. — С чего ты взял, что люди, впадающие в экстаз от пауэр-аккордов, способны оценить штучный талант, типа группы «Распутин поет блюз»?

Дэни вздохнул и схватил меня за руку, нетерпеливо поинтересовавшись:

— Мэки, ну неужели кто-то может предпочесть нечто абсолютно отстойное чему-то по-настоящему клевому?

Он произнес это так, словно заранее знал, что выиграл по очкам, вне зависимости, поддержу я его или нет. А раз так — какой смысл попусту болтать?

Я не ответил. Я смотрел на Элис Хармс, что с некоторых пор сделалось моим обычным времяпрепровождением, чем-то вроде хобби.

Дэни дернул сильнее.

— Мэки! Кончай вести себя, как укурок, и послушай! Ты веришь, что кто-то может выбрать дрянь?

— Люди не всегда знают, чего хотят, — ответил я, не сводя глаз с Элис.

Она была в зеленой блузке с таким низким вырезом, что из него выступали полушария ее груди. А чуть ниже был приклеен желтый стикер Дня донора. Волосы Элис заправила за ухо — короче, все было прекрасно.

Если не считать запаха крови, сладкого и металлического.

Я чувствовал его привкус на нёбе, в желудке становилось паршиво. Честно говоря, я совершенно забыл об этом Дне донора и вспомнил только утром, когда в школе меня встретил фейерверк рукописных объявлений.

Дрю с силой хлопнул меня по плечу.

— К нам идет твоя подружка!

Элис шла через кафетерий в сопровождении Дженны Портер и Стефани Бичем, двух представительниц «высшего света» нашей школы. Я слышал, как скрипят их кроссовки по линолеуму. Звук был приятный, чем-то напоминавший шорох сухой листвы.

Я не сводил глаз с Элис, впрочем, без тени надежды, поскольку точно знал, что девчонки направляются не ко мне, а к Росуэллу. Он высокий, жилистый, с широким прямым ртом. Летом его всего осыпают веснушки, у него рыжие волосы на руках и всегда криво подстриженные виски, а еще он обаятельный. Или просто такой, как все.

А я странный — бледный и противный. Кого-то светлые волосы украшают, но в моем случае они лишь подчеркивали непроницаемую черноту моих глаз. Я не сыпал шутками, не балагурил и никогда не заговаривал первым. Порой людям становилось не по себе от одного взгляда на меня. Поэтому, такому, как я, лучше было оставаться незаметным.

Но в эту самую минуту я стоял посреди кафетерия, а Элис подходила ко мне все ближе. Губы у нее были розовые. А глаза голубые-голубые.

И вот она передо мной.

— Привет, Мэки!

Я улыбнулся, но вышло криво. Одно дело разглядывать ее с другого конца зала и воображать,

что *может быть*, когда-нибудь, я ее как бы поцелую. И совсем другое — общаться один на один. Я слотнул и попробовал выжать из себя хоть что-то из того, о чем обычно говорят нормальные люди. Но как назло в голове крутилось только воспоминание о том, как прошлой весной я увидел ее в теннисной форме, и ноги у нее были такие загорелые, что у меня чуть сердце не остановилось.

— Ну что, ты сдал кровь? — спросила Элис, дотрагиваясь до своего желтого стикера. — Лучше признайся, что сдал!

Когда она откинула назад упавшие на лицо волосы, я увидел, как во рту у нее что-то блеснуло. Пирсинг. Она проколола язык!

Я затряс головой.

— Терпеть не могу иголки!

Она рассмеялась. Неожиданно ее ладонь без всякой причины легла на мою руку.

— Ах, это так *мило*! Ладно, считай, что прощен, раз ты у нас такой ужасный трусишка. Слушайте, ваши родители тоже стоят на ушах? Вы уже слышали про сестру Тэйт Стюарт?

Росуэлл, стоявший за моей спиной, с шумом втянул в себя воздух и выдохнул. Близнецы перестали улыбаться. Я лихорадочно соображал, как сменить тему, но ничего подходящего в голову не приходило.

Запах крови был сладким, вязким и слишком густым, чтобы не обращать на него внимания.

Мне пришлось откашляться, прежде чем ответить:

— Ага. Мой отец просто убит всем этим.

Элис широко-широко распахнула глаза.

— О Боже, так ты их знаешь?

— Его отец проводит церемонию, — ровным тоном произнес Дэни.

И тут они с Дрю одновременно обернулись. Я сделал то же самое и понял, что они уставились на Тэйт Стюарт, в одиночестве сидевшую за длинным пустым столом и глядевшую в небо через огромное, от пола до потолка, окно кафетерия.

Я не знал ее. То есть я ходил вместе с ней в младшую школу — Стюарты жили через квартал от Дрю и Дэни, а, перейдя в старшие классы, мы посещали по меньшей мере один предмет в семестре. Но я не знал ее. И ее сестру я тоже не знал, хотя видел их вдвоем на парковке перед церковью, где служил мой отец. Толстенькая улыбчивая малышка по имени Натали. Самая обычная, с виду абсолютно здоровая девочка.

Тэйт со скрежетом отодвинула стул и искоса взглянула на нас. Волосы у нее были темно-каштановые, коротко подстриженные, отчего ее лицо выглядело слишком открытым. Издалека вид у Тэйт был поникший, но когда она встала, я заметил, что ее плечи напряжены, словно она приготовилась держать удар.

Еще два дня назад у нее были друзья. Возможно, не такие щебечущие, хихикающие и неразлучные, как Элис, но это были люди, которые ее любили. Теперь вокруг Тэйт образовалась пустота, вызывавшая мысли о карантине. Невольно приходила мысль о том, как просто стать изгоем. Достаточно, чтобы с тобой случилось что-то ужасное.

Но Элис не стала тратить на Тэйт свое время. Она перекинула волосы за плечо и вдруг оказалась совсем рядом со мной.

— Невозможно представить, что маленькие дети могут умереть. Это так печально, скажи? Моя мама как про это услышала, так просто спятила, теперь у нас дома сплошные «Аве Мария» и рамки со святыми. Кстати, ребята, а что вы делаете в воскресенье? Стефани устраивает вечеринку.

Над моим плечом возник Росуэлл.

— Круто. Мы, пожалуй, тоже заглянем. А вас, значит, подпрягли на День донора? — Спрашивая, он в упор смотрел на Стефани. — И как прошло кровопускание? Больно?

Стефани и Дженна дружно закивали, а Элис нарочито закатила глаза:

— Да не особо. То есть, больно, когда втыкают иголку, но не очень. Честно говоря, сейчас болит даже сильнее. А когда медсестра вытаскивала иглу, на коже царапинка осталась, и кровь никак не оттаивается. Вот, посмотри!

Она протянула руку. К сгибу ее локтя был прибинтован ватный шарик, скрывавший отметину от иглы. Посередине, пропитывая вату, расплзлось красное пятно.

Железо было повсюду. В автомобилях, в кухонной утвари, в огромных промышленных механизмах, которые паковали еду, но чаще всего его смешивали с другими веществами: с хромом, углеродами, никелем. Такое железо причиняло боль медленно, постепенно высасывая силы. Но я мог это терпеть.

Железо крови было другим. Оно врвалось в нос и рот, першило в горле. Мне вдруг стало трудно сосредоточиться. Сердце колотилось то сумасшедше быстро, то совсем-совсем медленно.

— Мэки? — донесся откуда-то издалека искаженный и еле слышный голос Элис.

— Мне нужно выйти, — выдавил я. — Мой шкафчик... я забыл в нем кое-что, и мне надо...

На секунду мне показалось, что кто-то из них — один или двое, а может, все вместе, захотят пойти со мной.

Элис сделала шаг в мою сторону. Но Росуэлл едва заметно дотронулся до ее руки, и она замерла. Лицо Росуэлла напряглось, он поджал губы, словно боясь сказать что-то лишнее. Потом показал мне головой в сторону коридора, шепнув едва заметно: «Просто иди».

Пульс бешено бился в ушах и руках, поле зрения стремительно сужалось, однако я все-таки сумел, ни разу не споткнувшись, пробраться сквозь лабиринт столиков к выходу из кафетерия.

Как только сладкий удушливый запах станции забора крови остался позади, мне сразу стало легче. Можно было делать глубокие вдохи и ждать, когда пройдет головокружение.

Шкафчики в коридоре нашей школы выглядели совершенно одинаково — пять футов в высоту, все выкрашены светло-бежевой, местами облупившейся краской. Мой был в дальнем конце, за коридором, ведущим в математическое крыло и к выходу во двор. Как только я свернул за угол, то сразу понял: с моим шкафчиком что-то не так.

На его двери, на уровне глаз горело красное пятно, размером и формой напоминавшее отпечаток ладони. Я еще не успел подойти ближе, как почувствовал запах крови. Но это было не так ужасно, как кровь на руке Элис. Та кровь была теплая, невыно-

симо металлическая. А эта — холодная и липкая, уже начавшая высыхать.

Я огляделся: коридор был пуст. Двери во двор — закрыты. Весь день шел дождь, на лужайке перед школой тоже никого не наблюдалось.

Пятно было вязким, темно-красным, я стоял перед ним, прижав руки ко лбу. Скорее всего, это была шутка, обыкновенный дурацкий злой розыгрыш. Не надо большого ума, чтобы додуматься до такого. Вся школа знала меня как парня, который садится на пол и зажимает голову между коленей, когда кому-то расквашивают нос.

Конечно, это — шутка, потому что так *должно* было быть. Хотя я знал, что ошибаюсь. На дверце моего шкафчика некто творчески *выразился* при помощи канцелярской скрепки или ключа. Прямо в густеющей слякоти было криво выцарапано: ВЫРОДОК.

Я принялся вытирать надпись рукавом, и снова накатили тошнота и одышка. Большую часть крови я стер, но надпись «выродок» осталась. Буквы были процарапаны прямо по краске, в них забились кровь, и все слово отчетливо выступило на фоне бежевой эмали.

Один взгляд — и меня снова накрыл оглушительный грохот. Я так резко отшатнулся от шкафчика, что едва не упал. Прошла целая секунда, прежде чем я понял, что это просто медленный и неровный стук моего сердца.

Рукой по стене, ощупью к двери — пустой двор, свежий воздух.

Я ходил в детский сад, когда папа впервые рассказал мне о Келлане Кори.

История была короткая, но папа пересказывал ее мне снова и снова, как «Винни Пуха» или «Спокойной ночи, луна». Каждый раз, когда он это делал, ее главные эпизоды представлялись мне в виде кадров из старого фильма — мерцающие и зернистые. Келлан Кори в моем фильме был тихим и вежливым. Взрослым, наверное, лет тридцати.

Он был похож на меня. Почти. Только у него были лишние суставы на пальцах, и я всегда видел его черно-белым.

Келлан Кори владел мастерской по ремонту музыкальных инструментов на Ханновер-стрит, и жил прямо над ней, в небольшой квартирке с кухней. Он никогда не настраивал фортепьяно, поскольку не мог прикоснуться к стальным струнам, но был честным и работающим, и все его любили. Его специальностью была настройка скрипок.

Когда начали пропадать дети, поначалу никто не увидел в этом ничего особенного. Это было время Депрессии, у людей не было ни денег, ни еды, а дети... что же, дети постоянно исчезают. Болеют, убегают, погибают от несчастных случаев или от голода. Это, конечно, ужасно, но такова жизнь, поэтому поначалу никто ни о чем не подозревал и не задавался вопросами.

А потом пропала дочка шерифа. Это случилось в 1931 году, в предпоследний день октября.

Келлан Кори никогда в жизни никого не обидел, но это было не важно. За ним все равно пришли.

Выволокли из крохотной квартирке с кухней и потащили по улице. Сожгли его магазин, его самого долго били трубами и ключами для настройки. Потом повесили на дереве посреди церковного

двора, с мешком на голове, со связанными за спиной руками. И оставили тело висеть целый месяц.

Когда папа рассказал мне эту историю впервые, я не понял, что он имеет виду, но когда я пошел в первый или второй класс, все стало для меня проясняться.

Мораль истории была в том, что нельзя привлекать к себе внимание. Нельзя иметь неправильные пальцы. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь узнал, как ты фантастически умеешь настраивать инструменты на слух. Нельзя никому показывать свою настоящую, подлинную сущность, потому что если ты выдашь себя, когда в городе случится что-нибудь плохое, тебя вздернут на дереве и оставят гнить на целый месяц.

У каждого есть точка отсчета. Место, откуда ты начинаешь свой путь.

Просто одним это место отыскать проще, чем другим.

Я ничего этого не помню, но Эмма клянется, что все было именно так, и я ей верю. Эту историю она часто рассказывала мне ночами, когда я вылезал из своей кровати и на цыпочках пробирался по коридору в ее комнату.

Дитя в колыбели плачет, надсадно надрываясь, как все младенцы. Его личико светится сквозь прутья решетки. В окно забирается мужчина — костлявый, в черном пальто — и хватает младенца. Похититель перекидывает ноги через подоконник, опускает створку окна и защелкивает жалюзи. Уходит. В колыбельке *кто-то* остается.

Эмме четыре года. Она вылезает из кровати и подходит к колыбели в своей длинной пижамке.

Бренна Йованофф

Когда она просовывает руку между прутьями решетки, существо придвигается ближе. Оно пытается укунить Эмму, она отдергивает руку, однако не уходит.

Всю ночь, в темноте, они смотрят друг на друга. Утром существо по-прежнему лежит, свернувшись в клубок, на мягком на матраснике с ягнятами и утятами и глядит на Эмму. Только это не ее брат.

Это я.

